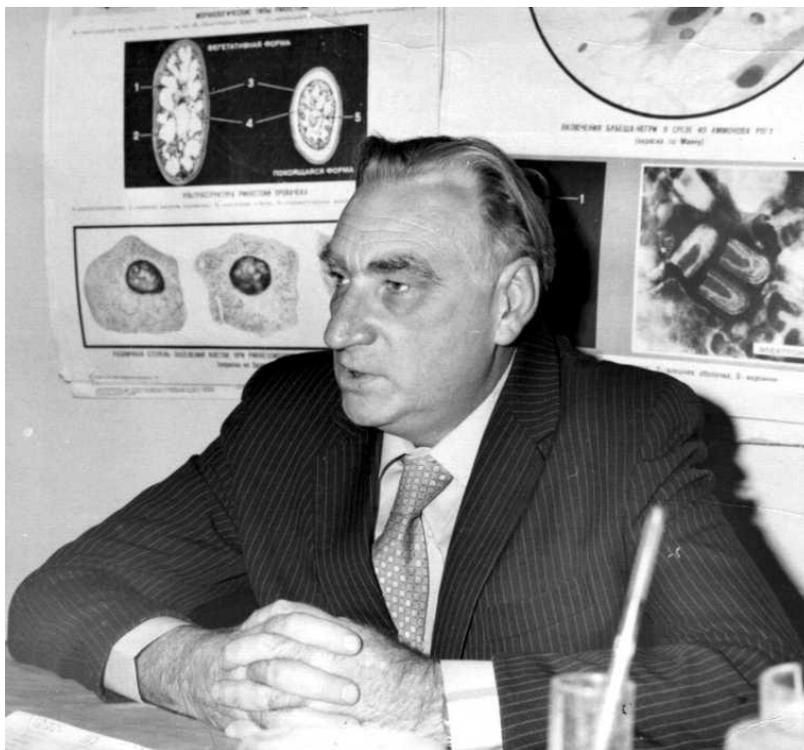

ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

*Удел великих таков, что чем дальше
уходят они в историческую
перспективу, тем отчетливее
вырисовывается их масштаб.*

*Н. В. Васильев («К 100-летию со дня
рождения Н. В. Тимофеева-Ресовского»)*

Ученый от Бога, пассионарий по духу, аристократ по происхождению... Таким рисуется образ Николая Владимировича Васильева — человека, унаследовавшего и универсально развившего накопленные предками интеллектуальные и духовные качества, вобравшего в себя все богатство отечественной и зарубежной культуры и научной мысли.

Николай ВАСИЛЬЕВ - представитель третьего поколения династии ученых-медиков. Его прадед был священником, а знаменитый дед - Николай Иванович Березнеговский - ярчайший представитель школы сибирских ученых, статский советник, кавалер орденов Св. Анны III степени (1913), Св. Станислава III степени (1914), награжденный медалью «300-летие царствования Дома Романовых» (1914), заведующий кафедры госпитальной хирургической клиники Томского университета (1912—1926). Родители Николая Владимировича — выпускники биологического факультета Томского государственного университета — представляли уже второе поколение ученых в этой семье. Мать, Любовь Николаевна Березнеговская, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой фармакогнозии Томского медицинского института (1949—1978). Отец, Владимир Феофелактович Васильев, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники Воронежского сельскохозяйственного института (1932—1950).

Воспитанием Николая Владимировича занималась Антонина Петровна Березнеговская — бабушка по

материнской линии, происходившая из обедневшей ветви князей Мещерских. Посещавшая знаменитые петербургские женские курсы и получившая серьезное юридическое образование, свои незаурядные педагогические способности Антонина Петровна реализовала в обучении внука. «Демократизация» в семье объяснялась духом воспринятых ею Бестужевских курсов, а также отрицанием религии Николаем Ивановичем, отказавшегося от духовного звания и посвятившего себя практической жизни - медицине.

Еще в детстве Николай Владимирович Васильев в совершенстве овладел немецким, выучил латынь, английский и французский. Позже он мог уже читать и переводить более чем на двадцати языках. В доме всегда царил рабочая обстановка: гостей принимали редко, отсутствовало состояние праздности, отдыхали за чтением книг или за клавиатурой фортепиано. Даже во время войны 12-летний Коля с мамой, Любовью Николаевной, исполняли в четыре руки на двух инструментах многие классические произведения Моцарта, Бетховена, Глинки, Чайковского, Берлиоза. По их воспоминанию, увлечение музыкой в тревожные военные дни было данью всеобщего приподнятого настроения, взволнованности, инстинктивного желания поддержать бодрость и не поддаваться общей панике. Наверное, с таким же чувством посещали концерты в блокадном Ленинграде.

Николаю Васильеву прочили блестящую музыкальную карьеру. Он обладал абсолютным слухом, по-

этому его готовили на композиторско - дирижерское отделение. И, несмотря на то, что получить профессиональное музыкальное образование Николаю Васильеву помешала война, музыка навсегда осталась органической составляющей его мышления. Даже спустя много лет, занимаясь в медицине биологическими ритмами, он искал в них гармонику, а в науке - гармонию. В своей последней книге он излагает материал по канонам сонатной формы, которую считал универсальной для представления систематизированной информации.

Выбирая профессию, Николай Владимирович хотел посвятить себя глубокому изучению мировой истории и литературы, но его мама, Любовь Николаевна Березнеговская, порекомендовала продолжить династию естествоиспытателей, биологов и медиков. Она считала, что возможность анализа причин заболевания и путей коррекции, допускает более свободный и демократичный подход при выражении своей точки зрения; гуманитарные же науки по сути своей являются более идеологизированными и в какой-то степени ограничивающими человеческую свободу.

В 1947 году Николай Владимирович Васильев поступил на лечебный факультет Томского медицинского института, который окончил с отличием в 1953 году и в котором проработал до октября 1992 года, пройдя путь от аспиранта до академика Российской Академии медицинских наук.

Николай Васильев стоял у истоков организации Томского медицинского научного центра.

Вот как он сам описывал этот период: «В июне 1978 г. группа руководителей АМН СССР во главе с президентом Н. Н. Блохиным ознакомилась на месте с работой медицинских научных

учреждений Томска. Во время этих встреч с руководством Томского обкома КПСС во главе с его первым секретарем, членом ЦК КПСС Е. К. Лигачевым и представителями медицинских научных учреждений были намечены пути дальнейшего форсированного развития академической науки в Сибири, которое предполагало создание филиалов ведущих медицинских академических центров страны.

Первым шагом явилось создание в Томске Сибирского филиала ВОНЦ АМН СССР.

Формирование коллективов молодого академического подразделения происходило в сжатые сроки. Уже в первой половине 1979 г. в штат филиала перешли 50 специалистов из кадрового состава Томского медицинского института, в том числе 5 докторов и 15 кандидатов наук.

Решающую роль в этом сыграло руководство Томской областной партийной организации, сумевшее обеспечить передачу филиалу нескольких зданий».

Будучи заместителем директора онкологического института (1979—1992), Николай Владимирович Васильев возглавил отдел клинической и экспериментальной иммунологии. Он четко сформулировал стратегию института, направленную на решение междисциплинарных проблем, в первую очередь, онкоиммунологии и эпидемиологии, благодаря которой узкорегionalное учреждение превратилось в академический

институт союзного профиля.

С 1992 по 2001 гг. Николай Васильев получил должность заместителя директора по науке Харьковского НИИ микробиологии им. И. И. Мечникова, а с 1996 г. работал по совместительству заместителем директора по науке Государственному природного заповедника «Тунгусский» и заместителем главы Администрации по науке Тунгусско - Чунского района Эвенкийского автономного округа Красноярского края.

Всю свою жизнь Николай Владимирович Васильев оставался яркой, неповторимой индивидуальностью. Мощный интеллект, выдающийся темперамент борца, не знающая препятствий способность убеждения, глубочайшая моральная и нравственная чистота - все эти черты сообщали неповторимое обаяние его Личности. «Среди элиты периода 60-х годов можно назвать очень немногих людей пассионарного, целеустремленного, гражданского вдохновения. Это был яркий представитель интеллигентов-шестидесятников. Он смотрел на все явления жизни исторически и диалектически...» Так охарактеризовал Николая Васильева, „представителя пассионарной когорты“, академик В. П. Казначеев, подразумевая, в первую очередь, человека творческого, человека, выражаясь словами Льва Гумилева, «длинной воли», необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности. Посвоему воспринимал пассионарность Николая Васильева его соратник — профессор В. А. Воробьев: «Я понял так, что религия НВ - это наука, а в науке - проблема Тунгусского метеорита, а в проблеме - Внеземной Разум, который всё это нам устроил...»

И в самом деле! Куда податься учёному, верующему в человеческий разум и в науку как в церковь разума? Окружающая действительность даёт так же мало оснований для веры в человеческий разум, как и для веры в бога - творца Вселенной. Верующим нужно подкрепление - чудо. Для верующего в Бога-творца чудо - это сверхъестественное ЯВЛЕНИЕ, для верующего в Разум - проявление Внеземного Разума, т.е. КОНТАКТ. С такой установкой путь в церковь для НВ был закрыт, он не мог быть наивным христианином. У него другой путь к Богу. И кажется мне, что его путь не хуже... Впрочем, поиск КОНТАКТА - это поиск успешного опыта преодоления нашей биологической ограниченности.

Сам же Николай Владимирович относил себя к натуралистам. Он считал, что при разработке необычных версий лидировать должны исследователи, по стилю своего научного мышления далекие от узкопрофессиональной зашоренности, сухой фактичности, к которой подчас тяготеют современные ученые. Ведь если ученый лишается фантазии, вдохновения, в нем неизбежно гаснет и творческое начало. Нетрадиционные версии — удел ученых, которых раньше называли "натуралистами широкого профиля" и которых, к сожалению, в век всеобщей инструментализации науки становится все меньше и меньше. Уровень культуры таких людей по своему размаху сродни итальянцам времен Возрождения и французским энциклопедистам, когда ученый выступал как мыслитель, гармонично сочетавший науку и мышление.

К широкому системному охвату явлений всегда стремился и Николай Владимирович. Академик В. П. Казначеев отмечает, что он «никогда не удовлетворился

какой-то одной сферой, в том числе медицинской, в которой много работал и преуспел...». Диапазон его знаний трудно было определить. Заходила речь о российской монархии - он мог привести подробности царствования любого из династии Рюриковичей; говорили о религии - выяснялось, что он хорошо знает Ветхий и Новый завет, Коран, Талмуд, историю папства, учение Лютера, идеи пифагорейцев.

Николай Васильев был ученым от Бога. Он обладал особым талантом научного еретика, умеющего подвергать сомнению прочные догмы. Он опровергал и оспаривал факты, которые, на первый взгляд, были очевидны. Биологические проблемы, поднятые Николаем Васильевым, затрагивали множество укоренившихся предрассудков. Куда бы он ни обращался - к диалектике, к истории, к эволюции, к учениям Коперника и Галилея, к философии Платона - повсюду он умудрялся видеть вещи иначе, чем видели другие. За еретичностью его взглядов угадывалась общая система миропонимания. Вещи далекие, экзотические, какие-то частности, осколки всегда становились у него частью целого, соединялись в единую картину. Николай Васильев умел находить место любой вещи и учил восстанавливать эту утраченную целостность восприятия. Размышляя о жизни, о себе, о науке, он твердо знал: тот, кто мирится с действительностью, тот не верит в будущее.

Николай Владимирович всю свою жизнь интересовался историей науки, и его вполне можно было бы считать профессиональным историком науки. Традиционно история науки рассматривалась учеными в двух ракурсах. Первый из них - это понимание череды научных открытий как последовательного углубления научной мысли и построение прогнозов на будущее ее развитие. Второй ракурс - это история ученых-личностей, по которым, как по маякам, молодое поколение продолжает великий поиск истины. Николай Васильев в своих публикациях и выступлениях особое внимание уделял преемственности идей и поколений, а также таким формам корпоративной организации ученых, как научные школы и общества.

Новейшая история науки оказалась в трудном положении - она стала пленницей социальной демагогии и военно-политических амбиций века. Новые перспективные научные направления приостанавливались, их дальнейшая разработка сворачивалась. Тенденциозно искажалась история развития научных идей, концепций, научных школ. Для Николая Владимировича история науки была не вместилищем каких-то абстрактных схем, а неким временным пространством, в котором действовали живые, реальные люди, носители идей, иногда со странностями или со слабостями, но, как правило, искренне преданные науке.

Николай Васильев был не только очень популярным человеком, но и влиятельным ученым. Его доклады, на которые собиралось большое количество людей, отличались не только широтой постановки научной проблемы, но и методической новизной, интересными, зачастую неизвестными фактами, неожиданным перекидыванием мостиков между классическими и новыми горизонтами эволюционной биологии и медицины. Это был свежий взгляд на проблему. Николай Владимирович насыщал свои выступления массой интересных подробностей и деталей, что придавало его

словам особую убедительность. Он раздарили свои мысли, идеи, накопленные наблюдения, и все это делал обстоятельно, подробно, как будто это входило в его обязанности, словно по службе, и расходовал на это ойму времени. Он любил дискуссии, но не позволял себе пользоваться слабостями оппонента. Ему нужен был сильный противник не для того, чтобы торжествовать, а чтобы укрепить Истину с обеих сторон. Сила его была в непрерывном генерировании идей, он ставил вопросы, он будил мысли. Он творил будущие пути научной мысли.

Умение стратегически мыслить, решать крупные проблемы общероссийского и международного масштаба выявили новые грани его неординарной личности. С большим уважением Николай Владимирович относился как к своим коллегам-современникам, так и к предшественникам и, при возможности, всегда старался подчеркнуть их заслуги. В своих выступлениях он называл их по имени-отчеству, а не только по фамилии. Особенно трепетно он рассказывал о своих учителях — представителях, как он говорил, «блестящего поколения».

Сейчас, в 75-летний юбилей, наверное, будет уместным вспомнить речь Николая Васильева, произнесенную им 16 января 2000 года в день своего семидесятилетия.

«Дорогие друзья!

У меня, конечно, сегодня день особенный, необычный, в какой-то степени, даже переломный. Все-таки 70 лет - дата почтенная и серьезная. Мы все реалисты и должны все понимать.

Я счастлив, что судьба мне отпустила тот промежуток полноценной рабочей жизни, который я прожил. И надеюсь, что у меня есть еще в запасе хотя бы несколько лет полноценной жизни как творческой, научной личности. Во всяком случае, я очень рассчитываю, что на предстоящем этапе жизни, очень ответственным, хватит здоровья и сил для того, чтобы подводить итоги и производить конечные синтезы на высшем уровне! Собирать урожай посевов, сделанный за более чем полвека напряженной работы, просматривать свою «кладовую» и приводить все в порядок.

Честно говоря, я сейчас понял, что впереди предстоит многое сделать: как говорится, напахано много, и посев урожая предстоит большой и нелегкий. Подводя этот итог, я бы хотел с чувством великой благодарности обратиться, прежде всего, к моим родителям и моей бабушке, которые в годы Великой Отечественной войны, в очень тяжелых условиях эвакуации, в голодные и холодные зимы 1942—1943 гг. физически спасли меня, выучили, дали правильное направление, правильную ориентацию в жизни. Все это позволило мне следовать традиции, определенной еще моим дедом - хирургом Николаем Ивановичем Березнеговским, с которого начинается наша медицинская генеалогия.

Я искренне благодарен своим родным и близким, которые на протяжении всей жизни создавали мне необходимые условия для интенсивной творческой работы.

Я благодарен моим учителям: людям хорошо известным и тем, которые просто в свое время сделали для меня очень многое. Здесь правильно говорили: «Дело не в поучениях и рассуждениях, а дело в личном примере». И на эту тему я мог бы сказать очень много,

в том числе и в адрес школьных учителей.

Хочу отдать низкий поклон моим первым учителям в науке – профессору - биохимику Л. Д. Кошевичу и академику Сергею Петровичу Карпову, у которого я выучился и с которым впоследствии проработал на протяжении многих лет.

Я хочу выразить огромную благодарность тем великим ученым, с которыми меня сводила жизнь, пускай и ненадолго, — Л. А. Зильберу и Н. В. Тимофееву - Ресовскому, встречи с которыми произвели на меня неизгладимое впечатление.

Очень большую роль в моей творческой биографии сыграл известный ученый-космохимик Кирилл Павлович Флоренский (младший сын того самого Павла Флоренского - математика и философа), с которым мне в силу разных причин пришлось проработать в течение длительного времени, буквально «кость в кость».

Я благодарен всем моим друзьям, моим сослуживцам, всем тем, кто способствовал моей дальнейшей судьбе. Может, это прозвучит немного странно, но я благодарен своим оппонентам, так как без них никакое развитие было бы невозможно.

Огромное Вам всем спасибо, что нашли время и возможность встретится здесь и поздравить меня в этот знаменательный день.

Должен сказать, что приезд в Харьков в 1992 году был для меня нелегким шагом, т. к. я никогда не менял место работы с момента окончания института. Я попал в новую среду, но благодаря добрым и отзывчивым людям, адаптация прошла легко.

Я очень рад, что моя работа приносит пользу народу. Я не разделяю российский, украинский, белорусский народ. Может быть, я скажу совершенно не в духе времени, но я лично всегда считал себя представителем советского народа.

Еще раз огромное спасибо, здоровья и благополучия всем.

Что же касается меня, то я буду работать и дальше — настолько, насколько хватит сил. Единственное, о чем прошу у судьбы — чтобы последний день моей жизни был последним днем на работе. И в заключение хотел бы привести слова одного известного в Сибири барда В. Черникова:

„Гори, гори во мраке пламя,
Когда придет прощанья час,
Спасибо тем, кто нынче с нами,
Спасибо тем, кто сменит нас"».

Т.И. Коляда

Прошло десятилетие, как нет академика Васильева Николая Владимировича среди нас.

Говорить о Николае Владимировиче как об ученом от Бога и как о Человеке далеко не просто. Очень набожных людей, детей, поэтов настоящих и великих ученых объединяет одно вроде бы и вполне обычное, но вместе с тем и очень важное сходство. Они не стремятся изменять, тем более покорять природу, подобно самовластным тиранам, но и не молятся в страхе на ее титанические силы. Они пытаются разглядеть, познать и понять, любить и боготворить. И поэт, воспевающий Мировой Океан, и биолог, изучающий под микроскопом движение простейшего, и ребенок, удивленно впервые наблюдающий радугу – все они одержи-

мы одним и тем же стремлением, одной и той же жаждой познать и соединить Природу и Дух. Они неизменно, сознательно или неосознанно, движимы неким подобием веры, неким предположением или просто догадкой – в мире все едино и заранее задано, истина непостижима, однако упорно ищущему ее она доступна. Путь в жизни и в науке Васильева Н.В. озарен этим чувством, вернее – даром познания, что прямо или косвенно, но всегда проскальзывало в каждом его движении и в каждом слове. Мне посчастливилось при более чем двадцатилетнем общении это и наблюдать, и ощущать. Малая планета № 6482 “Nikolaj Vasil’ev”, открыта в 1990 г. бельгийским астрономом Э.У.Элст, будет вечно плавать во Вселенной и напоминать нам об этом удивительном Человеке, Ученом и Учителе.

Ю.Л.Волянский